

издательство · искусство · репертуар художественной самодеятельности

издательство · искусство · репертуар художественной самодеятельности

В. Драгунский

СИЛА ИСКУССТВА

С 1351689

репертуар художественной самодеятельности

В. Драгунский
СИЛА ИСКУССТВА

Эстрадные миниатюры

„ИСКУССТВО“ МОСКВА 1968

СОДЕРЖАНИЕ

Сила искусства. Пьеса в трех картинах	3
Дачурка. Пьеса в одном действии	10
Отравительница. Сценка	14

8-1-8
61-69-68

Драгунский Виктор Юзефович

СИЛА ИСКУССТВА

Редактор Л. Гамазова. Художник Ю. Маркаров. Художественный редактор З. Шарова. Технический редактор Н. Новожилова. Корректор Б. Северина. А06789. Сдано в набор 8/V 1968 г. Подписано к печати 30/V 1968 г. Формат бумаги 84×108/32. Бумага типографская № 2. Усл. печ. л. 0,84. Уч.-изд. л. 0,774. Тираж 60 000 экз. Изд. № 14593. Издательство «Искусство», Москва, К-51, Цветной бульвар, 25. Заказ № 1039. Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Ярославль, ул. Свободы, 97. Цена 4 к.

СИЛА ИСКУССТВА

Пьеса в трех картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дементьев — актер.

Елена Сергеевна — пожилая учительница.

Мордатенкова — соседка Елены Сергеевны.

Мордатенков — ее муж.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Весенний московский бульвар. Издалека доносится гомон детворы. Люди, проходящие по бульвару, веселые или озабоченные лица. Скамьи, на них дремлющие над колясками малышей няньки, папаша, дедушки, бабушки. На центральной скамье сидит немолодая женщина, просто и скромно одетая, в руках томик стихов. Это Елена Сергеевна. По радио доносятся едва слышные звуки вальса. Среди проходящих появился молодой человек — Дементьев. Прошел, но вернулся, поглядел на читающую женщину и в нерешительности замедлил шаги. Елена Сергеевна поднимает глаза.

Дементьев (*робко, словно проверяя*). Здравствуй-те, Елена Сергеевна. (*Весело и немного тревожно смотрит на женщину.*)

Елена Сергеевна (*с недоумением, пристально вглядывается в живые мальчишеские глаза подошедшего, и вдруг радостное воспоминание освещает ее лицо*). Дементьев? Ты ли это?

Дементьев. Это я, я, Елена Сергеевна. Можно сесть?

Елена Сергеевна (*кивнув*). Садись, конечно.

Дементьев (*садится*). Я вас сразу узнал, а вот окликнуть не решался, думал, а вдруг вы меня не узнаете?

Елена Сергеевна. Нет, я тоже сразу узнала, что это ты. Глазики-то те же! Ну и ну! Встретились... А кой тебе теперь годик?

Дементьев. Двадцать шестой миновал, Елена Сергеевна.

Елена Сергеевна. Ай-ай-ай, а мне кажется, что ты вчера только пришел ко мне в класс...

Дементьев. Да... А было это около двадцати лет назад, дорогая Елена Сергеевна.

Оба вздыхают и глядят друг на друга с любовью и грустью.

Елена Сергеевна (*после паузы*). Как же ты поживаешь, Дементьев, милый?

Дементьев. Работаю. В театре. Ведь я актер.

Елена Сергеевна. Да, я слышала. Ну как? До-волен?

Дементьев. Не все, конечно, сбылось... Чацкого не играю. Гамлета тоже почему-то, черти, не дают. Но так — в порядке, то, что называется «актер на ярко бытовые роли», «характерный». Работаю много, запоем.

Елена Сергеевна. Я очень рада за тебя. Просто всей душой рада.

Дементьев. Спасибо, Елена Сергеевна. Ну а вы? Как вы-то поживаете?

Елена Сергеевна (*бодро*). Я по-прежнему — прекрасно! Веду четвертый класс. Есть просто удивительные ребята. Интересные, талантливые... Так что все великолепно! (*После паузы, неожиданно упавшим голосом.*) Мне комнату новую дали... В двухкомнатной квартире... Просто рай.

Дементьев (*несколько секунд испытующе смотрит на Елену Сергеевну*). Как вы это странно произнесли, Елена Сергеевна, невесело как-то... Может, ваша новая комната чересчур мала? Или далеко до школы ездить? Лифт работает исправно? Вы меня простите, но что-то здесь есть, какой-то минус, я чувствую!

Небольшая пауза.

Елена Сергеевна (*словно вдруг решившись, тихо*). Дементьев, откуда в людях хамство? И когда оно прекратится? Когда хамство перестанет калечить человеческие души, оскорблять достоинство человека, уродовать, отравлять человеческие отношения?

Дементьев (*сочувственно смотрит на Елену Сергеевну*). Так... Значит, я прав. Но кто же этот отравляющий вам жизнь хам? Кто? Директор школы? Завуч? Управдом? А может, просто милые соседи?

Елена Сергеевна. Соседи, да... Понимаешь, я живу, как под тяжестью старого чугунного утюга. Мои соседи как-то сразу поставили себя хозяевами новой квартиры. Нет, они не скандалят, не кричат. Они действуют. Выкинули из кухни мой кухонный столик. Сказали, что от раковины рукой подать до подоконника, что он широкий, и пусть он мне заменит столик. А два столика и тесно и некрасиво. Они запирают дверь на цепочку, и, когда я прихожу из театра, мне приходится звонить долго и унижительно. Однажды не дозвонилась и поехала ночевать к подруге. Когда ко мне приходят ученики, а

они ведь живые, бывает, и пошумят, — мои соседи стучат мне в стенку. Сами они ложатся в восемь. В ванной они заняли все вешалки и крючки, мне негде повесить полотенце. Газовые горелки всегда заняты их борщами, пельменями, студнем. Бывает, что я по часу жду горелки, чтобы вскипятить чаю. *(С досадой.)* Ах, милый, ты мужчина, ты не поймешь, это все мелочи, но получилось, что я живу, как надоевшая квартирантка в доме, который принадлежит мне в столь же равной степени, что и соседям. Ведь нам его выстроило государство! Тут все в атмосфере, боюсь, ты не поймешь меня, тут нюансы, не в милицию же идти? Не в суд же! А сама я не умею с ними справиться!

Дементьев. Все ясно! Вы правы. Хамство. Хамство в чистом виде!

Елена Сергеевна. И вот, поди ж ты... *(Сокрушенно.)* Мне бы жить да радоваться, а у меня, понимаешь, понижается интерес к жизни, появляется апатия какая-то. Невесело, словом.

Дементьев. Угу. Понимаю. А где же вы нынче проживаете, Елена Сергеевна? Адрес можно узнать?

Елена Сергеевна. Новобрянская, корпус три, квартира сорок семь.

Дементьев. Спасибо. Я запомнил. А можно, я сегодня вечером загляну к вам, Елена Сергеевна? Только у меня к вам просьба: когда я приду, ничему не удивляться! И полностью во всякой моей инициативе помогать. В театре это называется «подыграть». Идет? Ну, до вечера, Елена Сергеевна, до вечера! Попробуем на ваших троглодитах волшебную силу искусства! *(Откалывается и уходит.)*

Елена Сергеевна смотрит ему вслед. По радио звучит вальс. Медленно идет занавес.

Прощениум

Еще звучит музыка, но вот шесть коротких сигналов — и в передачу вступает женский голос: «Московское время двадцать часов. Передаем лекцию». Открывается занавес. Сбоку, на занавесе, появляется надпись: «Квартира 47», и рядом вторая: «Звонок только Мордатенковым! один раз».

КАРТИНА ВТОРАЯ

На сцене обычная квартира обычного московского дома. Прямо — дверь в ванную, налево — двери к Мордатенковым, направо — к Сергеевой. Маленький холл, узенький коридор, небольшая кухня. Несколько секунд сцена пуста, затем слышится резкий, наглый звонок. Из двери Мордатенковых, неспешно, шеvelя боками, выходит

сама мадам. Звонок нетерпеливо звонит. Мордатенкова наконец отворяет. В квартиру, засунув руки в брюки, входит невысокий человек в кепочке. Это Дементьев. На нижней, влажной и отвисшей губе сидит окуроч.

Дементьев (*хриплым, неприятным голосом*). Ты, что ли, Сергеева?

Мордатенкова (*шокирована всем его видом. Резко*). Нет. Сергеевой два звонка!

Дементьев. Наплевать. Давай проводи!

Мордатенкова, выражая крайнее оскорбление, движется в глубь квартиры.

(*Идет за ней, хрипло.*) Ходчей давай! Ползаешь, как черепаха!

Мордатенкова (*ускорила движение. У двери Сергеевой*). Вот! Здесь!

Дементьев, не постучавшись, распахивает дверь. Мордатенкова отходит в глубь сцены, но не уходит к себе и, таким образом, слышит каждое слово развязного пришельца.

Дементьев. Значит, это вы повесили бумажку на счет обмена?

Елена Сергеевна (*сдержанно*). Да, я.

Оба стоят в центре комнаты Елены Сергеевны. Широкая дверь — две створки — распахнута, и зрители видят все происходящее.

Дементьев. Ну, а мою-то конуру видела? Конуренку-то мою видела, нет?

Елена Сергеевна (*запинаясь*). Ви... ви... видела.

Дементьев. А с Нюркой, моей женой, разговор имела?

Елена Сергеевна. Да.

Дементьев. Ну-к что ж! Ведь я тебе так скажу, я те скажу честно: я бы сам ни в жисть не поменялся. Сама посуди, у мене там два корешка, старых, проверенных товарища, мы вместе в институте психотерапии лежали. Значит, теперь, когда мы почти выздоровели, нам очень просто на троих можно сообразить. Ведь это для меня удобство? А? Удобство? Я те спрашиваю!

Елена Сергеевна. Да, это большое удобство!

Дементьев. Но понимаешь, мне метры нужны! Будь они неладны! Метры! Метры! Метры!

Елена Сергеевна. Да, конечно, я понимаю.

Дементьев. А почему мне метры нужны? Зачем они мне нужны? Соображаешь? Нет? Вот то-то и оно!

Сейчас скажу, будь они неладны! Семья, брат Сергеева, растет! Прямо не по дням, а по часам! Ведь старший-то мой, Альбертик, что отмочил! Не знаешь? Эх, темнота! Женился он, вот что! Правда, хорошую взял, красивую. Зачем хаять? Взял красивую — это верно. Красивая, глазки маленькие, морда — во! Как арбуз! Ну и голосистая, это тоже плюс. Для Альбертика-то! Голосистая, ну прямо Зыкина! Целый день русские припевки:

Дура, дура, дура я,
дура я проклятая,
у его четыре дуры,
а я дура пятая!

Поет, заливаясь, потому что, главное дело, голос есть! Она с таким голосом любой красноармейский ансамбль переорет. Работает старшим сержантом. Значит, они с Альбертиком-то очень просто могут мне в ближайшей скорости внука отковать. Так? Дело-то молодое. А? Молодое дело-то или нет, я те спрашиваю?

Елена Сергеевна (*совсем тихо*). Конечно, конечно!

Дементьев. Вот в том-то и дело! Брак! Вот что мне мешает — отцы и детки. Вот тут-то и собака зарыта! Хотя возьми еще и причину номер два! Витька! Младший мой. Ему седьмой пошел. Ох и малый, я те доложу! Умница, игрун! Ему место надо? Чтоб в казаки-разбойники? Он вот на прошлой неделе чуть всю квартиру не спалил — затеял запуск спутника на Марс, сам себе на голову кастрюлю из-под шей напялил — это у него космонавтский шлем, потом слесарь пилил-пилил, не снимается окаянная, — вот кастрюлю-то он надел и давай палить. Видишь, ему простор нужен. Ему развернуться негде. А у вас? Здесь? Зачем ему в комнате поджигать, ступай в коридор и жги чего хочешь. Верно я говорю? Зачем ему собственную комнату поджигать? Ваши коридоры просторные, это для меня плюс, а? Верно я говорю?

Елена Сергеевна. Плюс, плюс, несомненно.

Дементьев. Так что я согласен. Где наша не пропадала! Айда коммунальные услуги смотреть.

Это решительное заявление дошло наконец до сознания Мордатенковой. Быстрее лани метнулась она к своей комнате, распахнула дверь — за столом сидит Мордатенков перед двухпачечной порциейпельменей.

Мордатенкова (*свистящим шепотом*). Харитон! Там бандит какой-то, прямо хунвейбин, пришел насчет обмена с соседкой. Пойди, может быть, можно воспрепятствовать?

Мордатенков с висящими подтяжками пулей выскакивает в коридор. Там, словно только его и дожидаясь, уже стоит Дементьев в кепочке с прилипшим к губе окурком.

Дементьев (*любовно поглаживая ближний угол*). Здеся сундук поставлю! У моей маме сундучок есть, тонны на полторы... Здеся мы его поставим, и пушай на ем мама спит. Выпишу себе родную маму из Смоленской области, а там и папаню единоутробного, и пушай на здоровьечко спят. Что я, по-вашему, родной папаши-мамаши тарелку борща не налью? Завсегда налью! Я им борща, а они за дитяи присмотрют. Тут вот мамашин сундук вполне встанет, и мне хорошо и родителям спокойно... Ну, дальше показывай!

Елена Сергеевна (*опустив глаза, лепечет*). Вот здеся у нас еще маленький коридорчик, перед самой ванной...

Дементьев (*чрезвычайно оживился*). Иде? Иде? Ага, вижу, вижу! (*Останавливается, о чем-то думает. Тепло, доверительно.*) Знаешь что? Я тебе скажу, как своей. Есть у меня, золотая ты старуха, брательник! Он, понимаешь, алкоголик... Всякий раз, как подзашибет, счас по ночам ко мне стучится. Прямо, понимаешь, ломится. Потому что ему неохота в отрезвиловку попадать! Ну, он, значит, колотится, а я, значит, ему не отворяю! Мала комнатенка-то, куды его? С собою-то ведь не положишь... А здеся? Здеся я кину на пол какую-нибудь одеялку, и пушай спит! Продрыхнется и опять смиренный будет, ведь это он только пьяный скандалит. Мол, счас я вас всех перережу, всем кровь пушу! А чем он перережет-то? У его и ножик-то нулевой номер, только под закуску и идет! Куда ему! Никого он не перережет, парень скромный, тихий, пушай его тута на одеялке и проспится. А то ведь нельзя, брательник все-таки... Родная кровь, не скотина.

Мордатенковы в ужасе переглядываются.

Елена Сергеевна. А вот тут наша ванная! (*Распахивает дверь.*)

Дементьев (*бросает в ванную беглый взгляд, одобрительно кивает*). Ну-к что ж, ванна хорошая! Емкая! Мы в ей огурцов насолим на зиму! Ничего, ничего,

не дворяне! Умываться и на кухне можно, а под первый май кому приспичило — пожалуйста в баньку. Ну-ка, покажь-ка кухню! Иде он, твой столик-то?

Елена Сергеевна (*внятно*). У меня нет своего стола! Соседи его выставили. Говорят, два стола тесно!

Дементьев (*грозно, в сторону Мордатенковых*). Что? Какие такие соседи? Эти, что ли? (*Небрежно тычет в сторону Мордатенковых*.) Два стола им тесно? Ах буржуи недорезанные! (*Мордатенковой*.) Ну погоди, чертова кукла, дай Нюрке сюда приехать, она тебе глаза-то живо выцарапает, она с тебя живо на новый фасон всю выкройку перекроит. Заплачешь горькими слезами, чуть что только поперек характера ей слово пикнешь!

Мордатенков (*не на шутку перепугался. Дрожащим голосом*). Ну, вы тут не очень! Я попросил бы соблюдать...

Дементьев. Молчи! Старый таракан! В лоб захотел, да? Так я брызну! Я могу! Пушай я в четвертый раз пятнадцать суток отсижу, но я те брызну! А я-то еще сомневался, меняться мне или нет. Да я за твое нахальство из принципа переменюсь! (*Елене Сергеевне*.) Баушк! Пиши поскорее заявление на обмен! У меня душа горит на этих подлецов! Я им жизнь покажу! Заходи ко мне утречком, я те ожидаю! (*Идет по коридору, на ходу бросает через плечо, указывая куда-то на потолок*.) Здесь корыто повешу. (*Пауза*.) А туда мотоциклет! (*Пауза*.) Будь здоров! Смотри не кашляй! (*Уходит, хлопая дверью*.)

В квартире наступает мертвая тишина.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Мордатенков мнется около комнаты Елены Сергеевны.

Мордатенков (*голосом, полным нежности*). Елена Сергеевна! Ау! Куку! С добрым утречком! С добрым утречком, добрый город, и с хорошим днем! Елена Сергеевна! Вставатиньки пора!

Елена Сергеевна. А? Что? Кто там?

Мордатенков. Это я! Мордатенков!

Елена Сергеевна (*появляясь на пороге*). Что случилось? Что вам нужно, гражданин Мордатенков?

Через коридор проходит Мордатенкова. На ее могучих плечах новенький сине-желтый кухонный столик. Мордатенков идет за ней следом, одновременно приглашая за собой Елену Сергеевну.

Мордатенков (*конфузясь*). Это вам, это вам, золотко! Зачем вам тесниться на подоконнике? Это вам. И красиво, и удобно, и бесплатно! И приходите к нам сегодня вечером Райкина смотреть. Вместе посмеемся. Великолепный артист! Хи-хи-хи! Зина! Солнышко! Ты смотри же, завтра с утрачка пойдешь в молочную, так не забудь Елене Сергеевне кефиру захватить. (*Елене Сергеевне*). Вы ведь кефирничаете по утрам?

Елена Сергеевна (*вызывающе*). Да, кефир!

Мордатенкова (*записывает, повторяя*). Ки-фир.

Мордатенков. А хлеб какой предпочитаете? Круглый, рижский, заварной?

Елена Сергеевна. Ну что вы! Я сама!

Мордатенков (*строго*). Ни-че-го! (*Кричит.*) Запиши, и хлеба! Какой Елена Сергеевна любит, такой и возьми. И когда придешь, золотко, постираешь ей что нужно!

Елена Сергеевна. Ох, что вы! (*Машет руками. Не в силах больше сдерживаться, бежит к себе. Там она сдергивает со стены полотенце и прижимает его ко рту, чтобы заглушить смех. Ее маленькое тело сотрясается от хохота.*) Сила искусства! О волшебная сила искусства!

Занавес

ДАЧУРКА

Пьеса в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Хозяин.

Гость.

На просцениуме оба действующих лица. Хозяин показывает Гостю свои богатства. Поглаживает кулису, которую можно рассматривать и как угол двухэтажного каменного особняка.

Хозяин (*самодовольно*). Эта дачка у меня давно. Я, милый мой, еще десять лет тому назад работал начальником стройконторы. Там, брат, тесу этого или, скажем, горбыля, рам, дверей всяких — завались! По горло! А я начальником был. Бог! Гроза! План давал из месяца

в месяц — сто один, сто два процента, за это и премировали меня, а как же!

Гость. Горбыль, говорите? Интересно. Я вот тоже...

Хозяин. Ну да, если я сам выпишу себе горбылька, какой похуже, а возьму тесику?.. Государство у нас громадное, не мелочное, оно такого пустяка и не заметит! Вот. Вот домик-то и встал! Хорош, а?

Гость. Ого!

Хозяин. Пять комнатенок, терраска, сараюшко, гаражишко, летняя кухонька, а как же? Недурна дачурка, а? Да ведь и участочек неплох? Я его еще раньше получил, когда в земельном отделе делами ворочал. Хорош участочек?

Гость (*тяжело вздыхая*). Да, такой домище, да еще на кирпичном фундаменте...

Хозяин. Фундамент? Это я потом, фундамент. Это я год спустя после стройконторы. Это уж когда меня на кирпич бросили. А что? Ничего себе кирпичонко. Огнеупорный, собака. Высший сорт.

Гость. Хороший, да...

Хозяин. Ну, нагляделся? Пошли в дом, закусим-перекусим! Сюда проходи, сюда.

Открывается занавес. Хозяин и Гость внутри дачи.

Хозяин. Ноги вытирай покрепче, тут, брат, чисто, ковры, знаешь... Зачем пачкать? Ковры, да... Я ведь после кирпичного-то завода некоторое время возглавлял московское отделение «Узбекковер». Эх, хороши коврята, ничего не скажешь! У меня их что-то между шестью и восьмью штуками скопилось. Да ты садись, чего стесняешься? Ведь родственники все-таки. Ну ты бедный. Ну ты там у себя в колхозе учишь ребят. Так это что ж? И в колхозе можно приобрести! Да если с умом!..

Гость (*вспылив*). Нет уж, извините! И не...

Хозяин. Да ты садись, садись! Вот на этот диван-кровать садись! Артикул «16Б-84». Садись на него, не бойся. У меня таких полтора гарнитура здесь распахано, а как же? Что я напрасно, что ли, в Мебельторге-то заправлял? А там, знаешь? Знаешь, какая там работа? Там ад! Молодожены да новоселы! Самый свирепый контингент! Ужасно алчные до мебели!

Гость. Так ведь им необходимо, что уж тут...

Хозяин. Верно! Им необходимо. Им в первую очередь. А я этот гарнитурчик как бракованный взял. Гвоз-

дик там от трельяжа выскочил, ну и ручечка от шифоньера отклеилась. Брак?

Гость. Брак.

Хозяин. Точно. Брак. Ну а раз брак, тогда уж где наша не пропадала, заверните мне этот бракованный гарнитурчик в бумажку, хе-хе-хо-хо...

Гость (*просветлев*). Книг-то у вас сколько, ах ты, сколько книг, целая библиотека! (*Подходит к стеллажу и быстрыми, ловкими пальцами касается корешков аккуратно подобранных по цвету и формату книг. Восторженно.*) Сколько книг! Сколько книг!

Хозяин. А нельзя иначе! Книга сейчас самое главное убранство!

Гость. Стендаль... Полный... Батюшки вы мои!

Хозяин. Это который Стендаль-то? Желтенький, что ли? А, да! Я его по бокам зелененьким обложил! Чтобы покрасивей, значит, было! Одно к одному. Желтенькое с зелененьким. Яичница, значит, с луком. Или там с горошком! Красиво!

Гость. Ну, зеленый-то — это у вас Бабаевский. Это вы его, значит, гарниром считаете? Гарнир-то он, конечно, гарнир, да не к тому блюду.

Хозяин (*добродушно*). Да я их, признаться, обоих не читал! Просто я в Книготорге месяца три подвизался, вот и подобрал... Ну, садись к столу. (*Нетерпеливо.*) Садись же! (*Потирает руки.*) Как говорится, чем бог послал! Давай выпей. (*Подталкивает к гостю наполненный влагой сосуд.*)

Гость (*осторожно касается высокой хрупкой ножки*). Боюсь, разобью я бокал. Ведь это прелесть что такое — чудо искусство, из него не водку пить, ему бы на выставке стоять!

Хозяин. Угадал! Угадал, хиромант! Я на чешской выставке работал, кой-чем заправлял там, так вот придержал кой-что под видом боя! Ну, будь здоров! Дай бог не последний! Эх! Пить — дом не купить, а мы вот пили да дом купили! (*Пьет.*) Хорошо! Хорошо прошла! Закусывай! Небось такой семушки у себя в Калязине и в глаза не видел? А икра красненькая? А филейная шейка? Ешь, ничего! Я теперь по старости администратором в «Гастрономе» вкалываю, так что ешь, малый! На наш век хватит! Много ли нам надо, а государство большое, не заметит...

Этот монолог сопровождается обильной выпивкой и соответствующей закуской.

(Устал.) Пойдем походим! Моцион требуется, а то ночью сны плохие будут, если после ужина не растрясешься. А мы походим по участку. По своему. (Поддерживая Гостя, выходит на просцениум.) У нас места хватит, не беспокойся! Слышишь, как пахнут цветочки? Это я в городском отделе зеленых насаждений трудился, тогда и взял! Это редкие! Это правительство для пушкинских мест где-то купило! Я и взял немножко. Пушкин не заметит! Слышишь, как пахнет? А?

Гость. Слышу. (Взялся за сердце.) Сумасшедший запах, даже голова кружится! Шатает...

Хозяин. А ты облокотись! Облокотись на сосенку-то! Не бойся! Она пошире тебя. Реликтовая. Ей сто лет! Я ее с мыса Пицунда привез. В отдельном вагоне ехала. Барыня! На Пицунде тогда все было без присмотра, а я там охраной леса командовал... Три дюжины сосенок привез.

Слышится хриплый лай.

Да цыц ты! Своих не узнаешь? (Гостю.) Кобель... Сенбернар. Чемпион. Весь в медалях. Я в собачьем питомнике директором был.

Неожиданно, предвещая близкий рассвет, пропел петух.

Голландский. Когда я...

Гость. На птицеферме?

Хозяин. Угу! Хиромант! А как ты догадался?

Гость (его душист волнение. Поднимает к далеким звездам бледное лицо. Умиленно). Звезды! Ах вы звездочки, недоступные вы мои, какие вы свежие, крупные, яркие...

Хозяин. А как же! Звезда первый сорт! Добротная звезда, укрупненная! Жирная. Сочная звезда! Это, видишь ли, когда я в планетарии...

Гость (трясущейся рукой пытается схватить хозяина за горло. Кричит высоким, срывающимся голосом). Прочь! Не трогай звезд! Прочь! Не трогай звезд, мерзавец! Не смей! Не касайся! Оставь хоть звезды людям! Они нужны людям! Детям! Поэтам! Не тронь звезды! (Бьется, дергает головой, плачет.)

Хозяин (добродушно). Перепил, видно, за ужином. Бедняга. (Уводит плачущего Гостя.)

З а н а в е с

ОТРАВИТЕЛЬНИЦА

Сценка

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лелечка Томилина — молодая актриса.
Сапа Собаковская — приятельница Томилиной.

Гримировальная комната. Туалетный столик. На стенах фотографии молодой Лелечки Томилиной в разных ролях. Это горничная из всех пьес, почтальон из всех пьес, комсомолка из всех пьес и т. д. Крупное фото из «Своенравная». Афиша с надписью: «Сегодня премьера — «Своенравная», крупными буквами — «Е. Томилина». При открытии занавеса слышны аплодисменты, крики: «Браво!» «Браво!» «Браво!» «Томили-на!» «Томи-ли-на!» «Браво!»

Томилина (*вбегает в комнату с букетом цветов. В изнеможении опускается на стул. Слушает зал*). Успех... Успех... Полный успех! Занавес давали девять раз. Ура! Вызывают! Ну, теперь эта толстая Надька сойдет с ума от злости. Ура! Ура! И еще раз ура!

На пороге появляется Сапа Собаковская.

Собаковская. Леля, можно к тебе?

Томилина. Сапка!

Собаковская. Лелька!

Радостно бросаются друг другу в объятия.

Томилина (*прерывая объятия*). Ну, Сапища, рассказывай. Я буду размазываться, а ты выкладывай впечатления. Только, пожалуйста, ничего не скрывай, не утаивай, давай начистоту!

Собаковская (*слащаво*). Чудесный спектакль! Просто прелесть!

Томилина (*грозит ей пальцем*). Ты, Сапка, не дури! Кто-кто, а я тебя знаю!

Собаковская. Ну, посуди сама, разве я бы пришла к тебе в уборную, если бы ты играла плохо? Да ни за что на свете! Нет, в том-то и штука, что ты сегодня блеснула, Лелька, и, что самое главное, ты здорово утерла нос нашей Надюхе! Смерть премьершам! Да здравствует молодежь! Это все говорят!

Томилина (*радостно*). Нет, серьезно?

Собаковская. Абсолютно! Я бы на твоём месте поставила вопрос о прибавке! Да, да, да! Потому что незаметно-незаметно, дурём-дурём, а ты стала мастерицей, Леля! Я даже от тебя не ожидала такого!

Томилина (*улыбнувшись*). Сомнительный комплимент!

Собаковская. Нет, правда, когда ты вышла на сцену и сказала «взгляните на меня» и я взглянула, даю честное слово, Лелька, у меня мурашки пошли по ногам!

Томилина (*польщенно*). А что? Сильное впечатление?

Собаковская. Ого! Я, знаешь, вся заиндевела. «Господи, думаю, Лелька, та самая Лелька, которую еще так недавно мы за глаза называли «говорящее бревно»!

Томилина (*негодуя*). Неужели вы меня так называли?

Собаковская (*искренне*). Еще хуже называли, Лелечка. Просто неудобно повторять, интеллигентные люди — и такой тон... Но ты не сердись, Лелик, милый, дело прошлое, а зависть заставит — еще хуже скажешь. Но мы остановимся на самом твоем безобидном прозвище — «говорящее бревно». И вот я смотрю и думаю, это самое «говорящее бревно» играет сейчас главную роль. И как играет! Ужас! В смысле — блеск! Да, вот оно что значит подцепить главного режиссера.

Томилина (*изумленно*). Ты что плетешь?

Собаковская. Я говорю — вот что значит зацепить, уцепить основную мысль, зерно творческого метода главного режиссера. Ах, пусть мне не говорят о разных мелких недочетах и даже о более крупных недостатках, пусть мне не говорят...

Томилина. Пстой, постой, погоди! Недостатки, стало быть, были?

Собаковская. Кошечка, они зависели не от тебя!

Томилина. Да говори же скорей, в чем дело?

Собаковская. О боже, господи, Лелька, ты играла чудесно, но я же не простой зритель, могла я что-нибудь заметить или нет?

Томилина (*нервно*). Что же ты заметила?

Собаковская. Не будь мелочной, Леля.

Томилина. Говори сейчас же, а то я лопну!

Собаковская. Если ты настаиваешь, то, по-моему, у тебя было не все в порядке с костюмом.

Томилина (*с ужасом*). Как не все в порядке?

Собаковская. Да просто он плохо шит! Ей-богу, нельзя же так, в столичном все-таки театре, какая-никакая, а героиня пьесы — и вдруг такой кошмар!

Томилина. Да что же это такое было? Я сойду с ума!

Собаковская. И есть от чего. Я тебя вполне понимаю. Ты прости, я ведь по-дружески. Но когда ты вышла в этом кринолине, у всех создалось такое впечатление, что у тебя четыре ноги.

Томилина (*с мольбой*). А как на мне сидела амазонка?

Собаковская (*невозмутимо*). Как на корове седло. Но играла ты хорошо, особенно если принять во внимание твою болезнь.

Томилина. Какую болезнь?!

Собаковская. Я не знаю какую, но что ты больна — это факт, иначе чем объяснить, что ты гундосила и у тебя не хватило темперамента.

Томилина (*задыхаясь*). У меня? У меня — темперамента?

Собаковская. Ну, деточка, если ты рычала, как простуженный трактор, это не значит, что ты кого-нибудь убедила.

Томилина (*с трудом*). Да ведь я же играла принцессу!

Собаковская. Ну, принцессой, положим, тут и не пахло, ты вела себя во дворце, как на собрании профактива. (*Испуганно*.) Да что с тобой, Леля?

Томилина (*чуть слышно, едва не теряя сознание*). Дай мне воды, мне дурно...

Собаковская. Господи, Леля, ну вот видишь, я говорила, что ты больна. Так и есть, вот уж и воды тебе подавай. (*Протягивая стакан воды*.) Пей, дорогая. Ляг, отдохни. Я понимаю, ты взволнована успехом, тебе нужно побыть одной, поплакать без свидетелей. Еще раз от души поздравляю. (*Целует Лелечкин лоб и торжественно выходит*.)

Томилина рыдает.

Занавес

165

